

ФРАЗЕОЛОГИЯ СКАЗОК А. Н. АФАНАСЬЕВА : ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Л. И. Козырев,

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка

А. Н. Афанасьев (1826 – 1871) вошел в историю фольклористики не только как выдающийся исследователь, но и как составитель знаменитого сборника «Народные русские сказки», к которому примыкают (точнее, органично входят) и «Народные русские сказки не для печати». Общеизвестно, что, хотя в большинстве своём в сказках используются интернациональные сюжеты, близкий живой народной речи язык и бытовые реалии сказок позволяют ярко и чётко выразить национальные особенности. Давно уже в работах по фразеологии стало общим местом указание на национально-культурное своеобразие идиоматики, а изучение фразеологических единиц (ФЕ) заняло свое прочное место в курсах лингвострановедения и лингвокультурологии. Относительно недавно издан уникальный Большой фразеологический словарь русского языка, в котором, как отмечает В. Н. Телия, впервые «фразеологизмы описываются как знаки «языка» культуры, ... приводится культурологический комментарий, ... прослеживаются линии смысловых связей между языковым значением фразеологизма и живодействующей в нём археологией культуры...» [1, с. 4].

Современные установки культуры осознаются носителями языка через восприятие образного основания фразеологизмов, а без историко-этимологического анализа зачастую даже неясно, был ли во время возникновения фразеологизма какой-либо образ (образование по модели, заимствование), а если был, то какой, менялся ли он. При отсутствии или утрате образа считается, что восприятие происходит на уровне бессознательного владения культурно-значимыми смыслами. Кроме того, один и тот же фразеологизм с точки зрения этимологии может осмысливаться по-разному. Так, например, В. Н. Телия отмечает, что «наиболее ярким примером бифуркации может служить идиома от горшка два вершка», при этом «подлинное этимологическое основание уже забыто, а именно – в метафору вошло уподобление того, как отбирали в гвардию: кто подходил под горшок, укрепленный на специальной, измеряющей рост доске, – того стригли «под горшок» и брали в гвардию, а кому не доставало роста до горшка – тот считался мал для этой службы» [2, с. 172]. В то же время существует мнение, что данная ФЕ не основана на конкретных реалиях, а создана с помощью литоты, при этом экспрессивность её создаётся повторением звуковых комплексов (Ю. А. Гвоздарев, В. П. Жуков, В. М. Мокиенко). Таких случаев достаточно много. Рассмотрим с этой точки зрения утраченный в литературном языке фразеологизм *дать (задать) зорю*. В сказке «Лиса и

заяц» находим: Охаверник едакой! Погоди же я ему *задам зорю!* [3, с. 23]. ФЕ *дать зорю* отмечается в «Недоросле» Д. И. Фонвизина: Г-жа Простакова. ...Ну! Теперь-то дам я *зорю* канальям своим людям. Теперь-то я всех переберу поодиночке... Специальных историко-этимологических исследований, посвященных данной ФЕ, не проводилось, поэтому возникает целый ряд вопросов. Каково значение оборота (наказывать /широко/ или /уже/ высечь)? С каким значением вошёл во фразеологизм компонент *зоря*? Был ли фразеологизм в XVIII в. образным или безобразным? Что можно сказать о внутренней форме ФЕ? и т. д. В различного рода словарях рассматриваемая ФЕ толкуется по-разному: наказывать посредством побоев; расправляться с кем-либо, жестоко наказывать кого-либо; высечь; не дать покою, высечь. В комедии Д. И. Фонвизина также по-разному комментируется «желание» Простаковой: наказывать, драться (Правдин), поколотить (Скотинин), высечь (Простакова). Неоднозначно понимают ФЕ и критики: не останавливается перед истязаниями [4, с. 126], первой мыслью было перепороть насмерть всю дворню [4, с. 141], просит позволения перебить слуг [4, с. 157] и т. д. В так называемой первой редакции «Недоросля» находим: Непотребные каналы, бестии! Всех велю пересечь до смерти. В комедии 1800 г. Г. Н. Городчанинова «Митрофанушка в отставке» (подражание «Недорослю») фиксируется: Еремеевна. Ну, девки! Молите Спаса, чтоб я скропала, а не то барыня с досады, что некому в доме шить, *даст* вам добрую *зорю*. Помочь уточнить значение ФЕ могла бы позволить выявленная внутренняя форма, но по отношению к ФЕ *дать зорю* по этому поводу имеются лишь отдельные замечания. Так, например, М. И. Михельсон в своём известном словаре связывает возникновение ФЕ *дать зорю* с игрой в зореньку (в жгуты); Е. А. Перельмуттер соотносит лексемы *зоря* и *зорище* «побоище» [5, с. 23]; О. И. Жмурко указывает на разную внутреннюю форму ФЕ *дать (задать) баню, дать (задать) жареху, дать зорю*, но не раскрывает её [6, с. 42]. Отметим, что значение второго и третьего фразеологизма всё же могло развиваться на основе схожего образа, реального или вторичного. Академический словарь 1847 г. фиксирует оборот *задать (дать) жареху* – наказание розгами, порка. Возможен, таким образом, метафорический перенос: *жареха, зоря* могли возникать на спине наказуемых розгами. С другой стороны, Словарь В. И. Даля лексему *жареха* толкует как сечение, парка, порка, взбуда, баня, так что и здесь возможна синонимическая замена. Как видим, утверждение О. И. Жмурко можно признать спорным. В то же время, на наш взгляд, возможен совсем другой, безобразный, путь образования фразеологизма, который и объясняет неясность семантики. В. И. Даль отмечал, что «слова *зорить* в словарях наших нет», хотя «корень *зор*, в значении разора, допустить необходимо, но может быть он общий с *зор* и *зар*, в значенье света, молнии, зренья и пр.». Глагол *зорить* более десяти раз используется

самим В. И. Далем, как в отдельной словарной статье, так и для синонимического толкования других глаголов: беднить кого, *зорить*, разорять, лишать достатка, не допускать до благосостояния; что богатит, то и *зорит*; *зорить* или зоровать что, разорять, портить, уничтожать, озорничать, забиячить, буянить; кто строит, а кто *зорит*, разоряет; медведь *зорует*, пчел *зорит* и т. д. Словарь русских народных говор также отмечает глагол *зорить* со значением «разорять, расхищать, грабить; уничтожать, истреблять» с широкой географией его употребления и многочисленными примерами. Лишь два примера приводится здесь для второго значения «донимать, беспокоить кого-либо». Отметим, что при этом глагол не имел видовой пары. Достаточно продуктивным способом образования ФЕ является разложение соответствующего глагола на сочетание отглагольного существительного и семантически пустого глагола дать / задать: пороть – *задать*, *задавать порку*; пировать – *задать пир*; промахнуться – *дать маху* и др. Укажем, что последние ФЕ отмечаются и в «Сказках» А. Н. Афанасьева, при этом для *дать маху* один из контекстов даже подчеркивает «отглагольность» существительного: Как бы брат не *промахнуться*, а то *маху дашь*, после не поправишься [7, с. 207]. В. М. Мокненко, отмечая высокую продуктивность структурно-семантической модели «*дать что = бить*», приводит в качестве примера несколько десятков таких фразеологизмов [8, с. 57 – 63]. Хотя здесь и нет оборота *дать/задать зорю*, но, учитывая вышеизложенное, можно предположить именно такой путь образования ФЕ. Отсутствие в литературном языке лексемы *зорить*, а также образности и экспрессивности у ФЕ, возникающие, но не совсем понятные, с трудом толкуемые, ассоциативные связи компонента *зоря* с лексемой *зоря* привели к утрате этого фразеологизма в литературном языке. В то же время в говорах уральских казаков (учтём, что здесь есть глагол *зорить* – грабить, разорять [9, с. 42]) именно влияние компонента *зоря* способствует, на наш взгляд, изменению значения ФЕ, так что субъектом действия может становиться и неодушевленное существительное: *Дать зорю, задать зорю* – не дать покою. – Вот нынче Шурка *давал зорю* баушке, всю ночь не спал; она измучилась с нём. Ур. Чирей, смотря на каком месте вскочит, а то так *задаст зорю*! Инд. Вот мне нынче зуб *давал зорю*, ломит, спасу нет. Буд. [9, с. 42].